

ПОЛИТИЗАЦИЯ СПОРТА В СССР

УДК 796.88-055.2(47)(091)

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-113-120

«ЖЕНЩИНЫ И ШТАНГА – СЛИШКОМ НЕОБЫЧНОЕ СОЧЕТАНИЕ»: ИСТОРИЯ ЖЕНСКОГО АТЛЕТИЗМА В СССР В 1960-Е – НАЧАЛЕ 1970-Х ГОДОВ¹

Т. А. Мухаматулин

Университет Ратгерс (Rutgers University), 16 Seminary Place, New Brunswick, NJ, 08901
timur.mukhamatulin@rutgers.edu

На основе материалов советской периодической печати, посвященных женскому атлетизму (существовавшей в СССР в 1960-е гг. дисциплине, включавшей в себя выполнение упражнений с отягощениями для создания эстетически привлекательного тела), показываются изменения в советском гендерном порядке в 1960-е гг. Утверждается, что распространение в обществе в целом исключительно мужских практик не привело к стиранию границы между мужским и женским. Более того, женский атлетизм усиливал нормативное представление о привлекательном женском теле, ставя своей целью его создание, в то время как мужская разновидность дисциплины фокусировалась на силе и более продуктивном труде как следствии занятий. Таким образом, женский атлетизм укреплял и общепринятое представление о гендерных ролях в советском обществе 1960-х гг. Век женского атлетизма оказался коротким: он исчезает из материалов прессы к началу 1970-х гг. Это стало следствием общественной дискуссии о гендерных нормах, начавшейся в конце 1960-х гг. и сфокусированной на проблемах позднесоветской маскулинности. Одной из реакций властей на нее стало уменьшение числа практик, допустимых для женщин в сфере спорта. Женский атлетизм не попал в их число, перестав существовать как массовая дисциплина. Он не возродился до развала Советского Союза, так как к началу перестройки виды спорта, связанные с мускулами и весом, стали считаться исключительно мужскими. Появившийся после перестройки женский бодибилдинг не был связан с женским атлетизмом и не воспринимал его как своего предшественника.

Ключевые слова: Советский Союз, женщины, спорт, Спорткомитет, феминность.

В 1964 г. журнал «Физкультура и спорт», бывший органом печати Комитета по физкультуре и спорту при Совете министров СССР, опубликовал статью, посвященную дореволюционным женщинам, выступавшим в цирке с силовыми номерами. Автор, полагая, что тяжелая атлетика – «не женский вид спорта» и что «анатомические и морфологические особенности женского организма говорят против целесообразности» подобных занятий, тем не менее рассказывает историю женщин-силачек, проводя параллель с настоящим, ведь, по его словам, «в практике современного спорта стали применяться у женщин» «упражнения с отягощениями» (Чесноков, 1964, № 3, с. 11). Эта публикация показывает, как менялась ситуация с силовыми видами спорта в СССР в 1960-е гг. С одной стороны, они должны были оставаться мужским занятием, с другой – женщинам стало можно, хотя и с оговорками, заниматься подобными дисциплинами.

История советского «атлетизма», т. е. дисциплины, направленной на создание эстетически привлекательного тела при помощи выполнения упражнений с отягощением, обычно пишется как история маскулинности. Так, антрополог Дмитрий Громов, исследуя нравы посетителей залов-«качалок» в подмосковных Люберцах (правда, преимущественно в 1980-е гг.), отмечает, что женщины иногда даже не допускались в «качалки» и ни о каком участии их в тренировках не могло быть и речи [Громов, 2013, с. 773–774]. С его точки зрения, эти пространства сочетали в себе функции мест для коммуникации и спортзала. Историк Алексей Голубев утверждает, что подпольные «качалки» на самом деле создавали «лояльных и социально активных советских граждан». Он показывает, как «железо» – штанги, гантели, а также сами «качал-

ки» – играли ключевую роль в этом процессе. По мнению Голубева, критики и сторонники дисциплины спорили в первую очередь о том, является ли получившееся тело нормативным или девиантным [Golubev, 2016, p. 172–208]. В его исследовании, однако, все участники дискуссий о советском атлетизме и их объекты – мужчины.

Маскулинный образ дисциплины вошел и в популярные описания: их авторы концентрировались на образе юноши или молодого мужчины из рабочего района, который в «качалке» готовился к защите себя на улице². Вместе с тем в материалах, опубликованных в журнале «Спортивная жизнь России», а также в советской прессе 1960–1970-х гг. в целом, показывается, что атлетизмом занимались и женщины, для которых он не был запрещенной и общественно осуждаемой активностью.

Существование женского атлетизма как практики в советском обществе 1960-х гг. позволяет рассматривать его в более широком контексте позднесоветской гендерной истории. В данном случае я следую концептуализации, предложенной Анной Темкиной и Еленой Здравомысловой. По их мнению, в 1950–1980-е гг. «общество ставит под сомнение официальные советские представления о мужественности и женственности... происходит ослабление государственного контроля над частной жизнью граждан вообще и контроля сексуальной жизни в частности» [Здравомыслова, Тёмкина, 2006, с. 59]. Существует целый ряд работ, как исторических, так и социологических, которые опираются на эту идею, однако они сосредоточены преимущественно на сферах женской сексуальности и роли, которую женщина играет в организации семейной жизни и семейного быта [Стяжкина, 2013; Чуйкина, 2002]. Специфически «женские», но внесемейные практики позднего социализма оказываются, как правило, вне внимания исследователей, при том, что аналогичные работы о мужском мире эпохи «позднего социализма» существуют. Так, Этан Поллок рассматривает баню как особое гомосоциальное пространство, в котором могла реализовываться позднесоветская маскулинность [Pollock, 2010]. Таким образом, изучение женского атлетизма не только закрывает историографическую лакуну, но и позволяет показать, как менялись представления о «допустимых» и «недопустимых» женских практиках в 1960-е гг. и как ставшая «допустимой» телесная практика сочеталась с установившимися представлениями о феминности.

Первые материалы о женском атлетизме появились в журналах примерно в то же время, что и материалы о мужском, – в начале 1960-х гг. Их авторы настаивали на доступности дисциплины для обоих полов (Добро пожаловать..., 1963, № 2, с. 21). Тренеры убеждали: несовместимость женщин с силовым спортом – мнимая. Так, один из основателей ленинградского атлетизма, тренер Ф. Манько признавал, что «женщины и штанга – слишком необычное сочетание», однако в дальнейшем он своё мнение изменил, увидев в атлетической гимнастике «вернейшее средство» для выработки осанки и грациозности, (Манько, 1969, № 9, с. 30). Активисты рекламировали дисциплину разными способами: так, врач из Свердловска Н. Ходаков устроил цикл лекций об «атлетической гимнастике», среди которых была лекция «Для вас, женщины» (Ходаков, 1964, № 1, с. 20).

С середины 1960-х гг. появляются специальные группы «атлетизма» или «атлетической гимнастики» для женщин, которые, если верить воспоминаниям, пользовались популярностью. Основатель тюменского клуба «Антей» Евгений Колтун, когда проходил первый набор в женскую группу, был уверен, что «по объявлению придут не более двух-трех – всех и запишем. Но в назначенный день их появилось видимо-невидимо. Пришлось предложить всем пройти основательное медобследование. В итоге первую экспериментальную группу составили 25 любительниц атлетической гимнастики» (Белов, 2012). В конце 1960-х гг. энтузиасты все чаще организовывали соревнования среди женщин. В 1966 г. они прошли в Ленинграде, в клубе «Спартак» (Тэнно, 1967, № 6, с. 16–17). В 1968 г. в Тюмени прошёл Второй всесибирский конкурс атлетизма, в котором принимали участие и спортсменки, занимавшиеся в клубе «Антей». Они, как писал корреспондент, «спорили в искусстве прохождения бревна, количестве приседаний с гимнастической палкой в руках, акробатических прыжках и вольных упражнениях» (Кричевский, 1969, № 2, с. 26–27).

В 1970 г., однако, по женскому атлетизму, как и по мужскому, был нанесен удар со стороны государственных органов. В январе этого года появился приказ председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР (Спорткомитета) «О пропаганде

атлетизма на страницах журналов "Спортивная жизнь России" и "Физкультура и спорт", в котором говорилось, что «увлечение упражнениями ради "культуры тела" прививает чуждые советским людям качества, как эгоизм, самолюбование, узость интересов» (ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 31. Д. 390. Л. 72). Более того, в проекте приказа журналы критиковались, в частности, за использование запрещенных приемов при пропаганде «атлетизма» среди женщин: «...Журнал бил читателя по самолюбию, затрагивая самые тонкие струны. Обращаясь к женщинам, один из авторов журнала писал: "Многие женщины бывают недовольны формой своего бюста. Это естественно. Слабые дряблые мышцы груди способны свести на нет впечатление от фигуры..."» (ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 31. Д. 390. Л. 76).

Начиная с 1970 г. материалы о женском атлетизме исчезают из печати. В следующих «антиатлетистских» постановлениях руководящих общесоюзных и республиканских органов, курирующих спорт, упоминаний об атлетизме среди женщин нет (ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 31. Д. 1519. Л. 12–17; Д. 3328. Л. 93–97). Нет информации о занимающихся атлетизмом женщинах и в критических публикациях газет, в первую очередь «Советского спорта». Не было речи о возрождении женского атлетизма и в конце 1980-х гг., когда атлетизм был легализован и институционализирован. Так, в ходе дискуссий при создании Федерации атлетической гимнастики СССР в 1987 г. говорили лишь о женской тяжелой атлетике: глава федерации заявил, что «мы дали задание проверить ее влияние» (ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 34. Д. 2224. Л. 91). Проходившие в последние годы под эгидой этой федерации СССР общесоюзные и республиканские соревнования также были исключительно мужскими (LCVA. F. 982. Op. 1. D. 9781. L. 1–3; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 34. Д. 3988. Л. 10–25).

Таким образом, женский атлетизм как дисциплина существовал в СССР меньше десятилетия, в 1960-е гг. Его история стала отражением гендерной либерализации, которую советское общество переживало с середины 1950-х гг. [Лебина, 2014, с. 8]. Спорт не мог стать зоной, свободной от подобных процессов. С конца 1950-х гг. в Советском Союзе начинает развиваться такой контактный вид спорта, как женский гандбол. Появляются материалы о женском хоккее с мячом, развивавшимся в стране до конца 1930-х гг. Автор статьи об этом виде спорта в 1964 г. замечает, что «сейчас женский хоккей исключен из календаря соревнований», но в ходе матчей «проявлялись, казалось бы, противоречивые качества: женственность и мужество», что легитимизировало женскую игру (Бородина, 1964, № 3. с. 9).

Вне спорта женщины добиваются права носить брюки не только на работе, но и в обычной жизни. Меняется отношение к женскому курению: оно осуждается, но уже не так активно. В литературе появляются положительные курящие героини, к примеру, в прозе Василия Аксенова [Лебина, 2014, с. 170–172, 176–177]. Эти новые практики иллюстрируют тезис об ограниченной либерализации гендерных ролей в 1950–1960-е гг.

Еще одним свидетельством либерализации стала допустимость создания спортивного, нормативно красивого тела «просто так», а не для решения функциональных задач. Прогрессивная женщина 1960-х должна была заниматься спортом не ради рекордов: неудивительно, что в фильме «Кавказская пленница» (1967) героиню Натальи Варлей Нину характеризуют как «спортсменку» наряду с «комсомолкой» и «красавицей».

Атлетизм понимался, таким образом, как одна из возможностей для переделки и улучшения собственного тела. Однако красивое тело должно было быть естественным [Лебина, 2014, 96–113]. Иллюстрацией этого тезиса стала фотография, опубликованная в журнале «Смена». На ней изображена женщина, выполняющая упражнение с гимнастической палкой за плечами. Фотографию сопровождает подпись: «Красивую фигуру в косметическом кабинете не сделаешь» (Тэнно, 1966, № 5, с. 102). В ходе занятий атлетизмом, как подчеркивали его сторонники, достигалась именно «натуральная» красота. Как отмечалось в редакционной статье, «всегда с сожалением смотришь на женщин, прозябающих в очередях у дверей косметических кабинетов. Если бы время, затрачиваемое на это, посвятить не маскам, массажам и краскам, а атлетической гимнастике, катку или купанию, лыжам или туризму, право, женщины были бы куда красивее, а цвет их лица здоровее и значительно ярче» (За красоту..., 1964, № 5, с. 18).

Связь между атлетизмом и красотой неоднократно подчеркивалась авторами писем в «Спортивную жизнь России». Рассказывая о своих успехах, женщины подчеркивали, что дисциплина помогла им создать нормативное тело. Так, Светлана С-кая считала, что атлетизм –

«верное средство в борьбе за здоровье и красоту», сообщала читателям новые параметры своего тела, а именно размеры бедер и талии (*Странская*, 1966, № 10, с. 19). Валентина А-ва «приобрела хорошую осанку» вдобавок к тому, что «перестала уставать после трудного рабочего дня» (*Симакова*, 1969, № 1, с. 31). Прогрессивная мама с помощью занятий в секции атлетической гимнастики помогла дочери избавиться от лишнего веса (*Таратута*, 1969, № 10, с. 30). Особого внимания заслуживает публикация «Открытое письмо женщине, не любящей спорт». В ней читательница из Челябинска жаловалась на то, что ее мать не даёт ей заниматься атлетизмом, в то время как ее «брат тоже занимается атлетической гимнастикой, и мама не мешает ему это делать». В ответе на письмо тренер А. Медведев обвинял противников женской атлетической гимнастики в ретроградстве: говоря о полноте, возникающей в отсутствие занятий спортом, он сообщал, что «дебелость, чрезмерная округлость форм» были идеалом «купеческой» красоты, а современная женщина должна быть спортивной (*Медведев*, 1968, № 12, с. 31).

Таким образом, женский атлетизм в СССР, хотя и был новой практикой, допустимой для женщин, укреплял общепринятые представления о феминности, в том числе о необходимости создавать и поддерживать нормативную привлекательность женщины. Более того, активистки дисциплины часто противопоставляли свои занятия мужским. Так, в 1966 г. Нелли К-ва рассказав об опыте женской группы атлетизма, организованной при Московском энергетическом институте, объяснила, что проблемы со здоровьем исчезли после начала регулярных тренировок. При этом она отказалась выполнять упражнения с тяжёлыми гантелями: «Мышц наращивать не хочу» (*Колесникова*, 1966, № 4, с. 21). Тренер секции «Чайка» Е. Рысина рассказывала, что на работу «с весами» тратится не более 40% времени, остальное же расходуется, в частности, «на элементы художественной гимнастики, балета» (Студия «Чайка»..., 1968, № 1, с. 26–27). Достоинством внимания то, что существование новой активности риторически оправдывается близостью с уже существующими, признанными дисциплинами, которые считались и обществом, и властями «женскими».

Мужчины же должны были заниматься атлетизмом для улучшения трудовых показателей и излечения от болезней, а увлечение достижением внешних эффектов, например, наращиванием мышц, официально не поощрялось. Так, автор одного из писем в журнал сообщал о том, как атлетизм помог избавиться от последствий ранений в годы Великой Отечественной войны (*Бабкин*, 1966, № 11, с. 18–19). А Д. В-ов из Горького излечился с помощью занятий от алкоголизма (*Виноградов*, 1967, № 2, с. 18–19). Как утверждалось в одной из редакционных статей, «атлетизм нужен нам не для того, чтобы красоваться на пляжах, а для того, чтобы стать здоровыми, сильными, лучше трудиться, в любую минуту быть готовыми к защите Родины» (*Зернов*, 1965, № 11, с. 19).

Доступный небольшой объём информации о женских соревнованиях по атлетизму также позволяет утверждать, что формат соревнований упрочивал нормативные представления о советской женственности. Так, участницы соревнований выглядели скромно, например, на групповой фотографии спортсменки, соревновавшиеся в Ленинграде в 1968 г., одеты в одинаковые черные купальные костюмы. Не удалось найти фотографии позирующих женщин, в то время как атлетов-мужчин часто запечатлевали позирующими с выделяющимися мускулами, что было похоже на западные образцы (*Длугаг*, 1969, № 9, с. 30; *Балдин* и др., 1968, № 3, с. 26–27). Сохранившийся отчет о турнире по атлетизму в Ленинграде показывает, что в женских соревнованиях «позирования» вообще не было, его заменяло выполнение «вольных упражнений» с гантелями. Таким образом, советские сторонники дисциплины отделяли атлетизм от «конкурсов красоток», которые описывались как нескромные и преследующие «чисто рекламные цели» (*Балдин*, 1968, № 6, с. 27).

Можно сказать, что развитие советского женского атлетизма пошло путем, противоположным западному женскому бодибилдингу. В США эта дисциплина стала символом нарушения границ между маскулинным и феминным. Мэри Лоу показывает сочетание мускулистости, ассоциирующейся с мужским телом, и феминных элементов, таких как макияж, причёска, маникюр, у спортсменок. Тем не менее, по мнению Лоу, эти женщины воспринимались за пределами нормы. Их либо называли «мужеподобными», «лесбиянками», «неженственными», либо предлагали «переделать», чтобы они соответствовали патриархальным представлениям о феминности [*Lowe*, 1998, P. 10].

Ничего подобного в советском атлетизме не наблюдалось: все имеющиеся визуальные материалы не позволяют судить об избыточном использовании косметики. Для советского женского атлетизма были неактуальны и попытки изменить ситуацию, в которой спортсменок тренируют и оценивают исключительно мужчины [*Castelnuovo, Shutrie*, 1998, р. 1–31, 49–67]. Конечно, арбитрами на немногочисленных соревнованиях по женскому атлетизму были мужчины, и они зачастую оценивали спортсменок с учетом «гармоничности и пропорциональности сложения» (*Балдин*, 1968, № 6, с. 27). Среди тренеров же женщины были представлены, некоторые из них, например, Э. В-цева из Ленинграда, вели занятия в женской и мужской группах (*Манько*, 1967, № 6, с. 16–17).

Таким образом, советский женский атлетизм как спортивная дисциплина способствовал укреплению нормативной феминности в течение 1960-х гг. Однако уже в начале 1970-х ситуация изменилась, и группы женского атлетизма перестали существовать. Ответ на вопрос о причинах исчезновения этого вида спорта, как кажется, следует искать в истории позднесоветской маскулинности, в частности, в ее предполагаемом «кризисе».

В конце 1960-х гг. началась дискуссия, спровоцированная выходом статьи демографа Бориса Урланиса «Берегите мужчин», опубликованной в «Литературной газете». В ней говорилось о «кризисе», признаками которого среди прочего назывались заметный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин и распространение среди первых самодеструктивных практик [*Здравомыслова, Темкина*, 2001]. Соблазнительно считать, что государство было готово бороться с этим кризисом, прибегнув к более жесткому гендерному разграничению практик, в том числе обозначив любые силовые активности как мужские.

Стоит заметить, что спорт стал не единственным полем, в котором государство решило укрепить «гендерный порядок». В конце 1960-х гг. началась активная атака на внешний вид в стиле «унисекс», включавший в себя прически, одежду, манеры. Так, сатирический журнал «Крокодил» регулярно публиковал карикатуры, обыгрывавшие маскулинизированных женщин (обычно курящих) и феминизированных мужчин (обычно носящих длинные волосы). Так, на одной из карикатур два одинаковых человека (длинные волосы, брюки, сигареты) различимы только благодаря медальону (Знаки отличия, 1969, № 26, обложка). В спорте это выразилось в осуждении женского футбола и женских секций единоборств, зафиксированном в постановлении Спорткомитета «О некоторых фактах неправильного развития отдельных видов физических упражнений и спорта» от 24 января 1973 г. В нем было отмечено, что игра в футбол «для женщин противопоказана, она вредна для женского организма», а в секциях самбо «пропагандируется так называемое "равноправие" в занятиях физическими упражнениями», при том, что «занятия борьбой не решают и эстетических задач и не позволяют женщинам широко и полно проявить и развить качества, дарованные ей природой» (ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 31. Д. 1519. Л. 14–15). Таким образом, под выдавливание женщин из любых силовых активностей подводится научная база: разделение видов спорта на мужские и женские природно обусловлено, и нарушение этой границы – это нарушение естественности, даже если участницы и участники не претендуют на разрушение существующего гендерного порядка. Подобное разделение в начале 1970-х гг. доходило до абсурда. Так, журналистка «Советского спорта» Елена Рерих отмечала в статье, что не могла писать отчеты о хоккейных матчах, так как «мои коллеги-мужчины, видимо, считают, что хоккей и женщина ... – это несовместимо». Она сослалась и на коллегу из Чехословакии, которая «гандбол за его близость к хоккею разлюбила. То, что украшает хоккей – силовая борьба, жесткость – совсем не подходит гандболу, когда в него играют женщины» (Рерих, 1973, 13 апр.). Слководательно, оппозиция «мужское – женское» в советском спорте 1970-х гг. стала жестче, что не позволяло женщинам заниматься атлетизмом даже в облегченном варианте.

Признание атлетизма исключительно «мужским» видом спорта предсказуемо способствовало усилению в нем силового компонента. «Выдавливание» советских женщин из атлетизма привело к гипермаскулинизации дисциплины, не готовой к новому приходу туда женщин. Мир атлетизма в период перестройки иллюстрирует тезис Темкиной и Здравомысловой о том, что установившийся тогда гендерный порядок в каких-то сферах имел тенденцию к архаизации и маскулинизации. В результате появившийся на постсоветском

пространстве бодибилдинг не стал массовым женским занятием «для красоты», заняв нишу спорта высших достижений.

Таким образом, короткая история советского женского атлетизма показывает, что в 1960-е гг. границы «допустимого» в спорте для женщин расширились. Занятие атлетизмом, хотя и ограничено, разрешалось государством. Важно отметить, что в отличие от западных практик советский атлетизм укреплял существующие нормативные представления о феминности, а не разрушал их. В конце 1960-х гг. эта практика перестала быть допустимой. Как кажется, это было связано с общим курсом государства на признание любых силовых активностей как мужских в рамках дискуссий о гендерном порядке.

Список источников

- Бабкин В.* История успеха // Спортивная жизнь России. 1966. № 11. С. 18–19.
- Балдин Г.* Они поверили в атлетизм // Спортивная жизнь России. 1968. № 6. С. 27.
- Балдин Г., Сорокин Ю.* Турнир геркулесов в Каунасе // Спортивная жизнь России. 1968. № 3. С. 26–27.
- Белов А.* Евгений Колтун: Сорок шагов на Олимп. URL: http://oldatletikaussr.blogspot.com/2012/06/blog-post_9610.html (дата обращения: 4.11.2019).
- Бородина Л.* Первые ласточки // Физкультура и спорт. 1964. № 3. С. 9
- Варлей Н.* Кавказская пленница зовет на спортплощадки // Спортивная жизнь России. 1968. № 4. С. 26–27.
- Виноградов Д.* В редакцию пришло письмо...// Спортивная жизнь России. 1967. № 2. С. 18–19.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7576. Оп. 31. Д. 390. Л. 72, 76; Д. 1519. Л. 12–17; Д. 3328. Л. 93–97; Оп. 34. Д. 2224. Л. 91; Д. 3988. Л. 10–25.
- Длугач А.* Атлант идет дальше // Спортивная жизнь России. 1969. № 9. С. 30.
- Добро пожаловать в студию атлетизма // Спортивная жизнь России. 1963. № 2. С. 21.*
- За красоту, долголетие, здоровье // Спортивная жизнь России. 1964. № 5. С. 18.*
- Зернов Т.* Смыслу вопреки // Спортивная жизнь России. 1965. № 11. С. 19.
- Знаки отличия // Крокодил. 1969. № 26. Обложка.*
- Колесникова Н.* Это прекрасно – атлетизм! // Спортивная жизнь России. 1966. № 4. С. 21.
- Кричевский Д.* Доброе дело сибиряков // Спортивная жизнь России. 1969. № 2. С. 26–27.
- Литовский центральный исторический архив (LCVA). Ф. 982. Оп. 1. Д. 9781. Л. 1–3.
- Манько Ф.* Единственно правильный! // Спортивная жизнь России. 1967. № 6. С. 16–17.
- Медведев А.* Открытое письмо женщине, не любящей спорт // Спортивная жизнь России. 1968. № 12. С. 31.
- Рерих Е.* Женщинам нравятся рыцари // Советский спорт. 1973. 13 апр. С.3.
- Симакова Е.* Своим примером // Спортивная жизнь России. 1969. № 1. М. 31.
- Странская С.* Я верю в атлетизм // Спортивная жизнь России. 1966. № 10. С. 19.
- Студия «Чайка» открывает двери // Спортивная жизнь России. 1968. № 1. С. 26–27.*
- Таратута Н.* Атлетизм помог мне похудеть // Спортивная жизнь России. 1969. № 10. С. 30.
- Тэнно Г.* Ленинград атлетический // Спортивная жизнь России. 1967. № 6. С. 16–17.
- Тэнно Г.* Не культ, а культура // Смена. 1966. № 5. С. 102.
- Ходаков Н.* Здоровье, силу, красоту – всем! // Спортивная жизнь России. 1964. № 1. С. 20.
- Чесноков Б.М.* Амазонки цирковой арены // Физкультура и спорт. 1964. № 3. С. 11.

Библиографический список

- Громов Д.В.* Качалка – место не для девчонок: Организация мужского пространства на примере люберецких качалок 1980-х годов // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений (под ред. Н.Л. Пушкаревой). М.: НЛЮ, 2013. С. 773–774.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе. URL: http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_m.htm (дата обращения: 4.11.2019).
- Здравомыслова Е., Темкина А.,* История и современность: гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». М.: Звенья, 2006. С. 59.

Лебина Н.Б. Мужчина и женщина. Тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: НЛЮ, 2014. 208 с.

Стяжкина Е.В. Женская и мужская повседневность в условиях смены гендерных контрактов второй половины XX века // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений (под ред. Н.Л. Пушкаревой). М.: НЛЮ, 2013. С. 650–701.

Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности (под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной). СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99–128.

Castelnuovo Sh., Guthrie Sh. *Feminism and the Female Body: Liberating Amazon from Within*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 181 p.

Golubev A. *Elemental Materialism: Objectifying Power and Selfhood in the Late USSR, 1961–1991*: Ph.D Dissertation. Vancouver: University of British Columbia, 2016. 276 p.

Lowe M. *Women of Steel. Female Body-Building and the Struggle for Self-Definition*. New York: NY University Press, 1998. 206 p.

Pollock E. «Real Men Go to The Bania»: Postwar Soviet Masculinities and the Bathhouse // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11(1). P. 47–76.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.08.2019

“WOMEN AND LIFTING ARE AN UNUSUAL PAIR”: A HISTORY OF SOVIET WOMEN’S ATHLETICISM IN THE 1960s

T. A. Mukhamatulin

Rutgers University, 16 Seminary Place, 08901, New Brunswick, NJ, USA
Timur.mukhamatulin@rutgers.edu

The article focuses on a history of Soviet female athleticism using the articles from the Soviet sports media as an archive. Scholars usually perceive Soviet athleticism which was a sort of physical activity based on doing exercises with iron to create an aesthetically appealing body as an exclusively masculine discipline, but the author shows that it was not the case in the 1960s. State authorities at least tolerated the practice, and it joined the rank of unisex activities. Instead of transgressing the borders between masculine and feminine roles, Soviet female athleticism enforced normative understandings of female’s body and beauty. However, by the beginning of the 1970s, the situation changed, and there is no sign of the discipline’s existence anymore. The author links its disappearance with the discussion covering the issues of the late Soviet masculinity’s crisis started in 1969. The author affirms that the state wanted to support male’s role by clearly defining all disciplines dealing with muscles and iron as exclusively masculine. As a result, female athleticism did not have its second birth during the Perestroika age, and all post-Soviet female activities, such as bodybuilding and weightlifting, were created from scratch, without reference to previous experience of the 1960s.

Key words: Soviet history, gender history, sports, femininity, Soviet state.

References

Castelnuovo Sh. & Sh. Guthrie (1998), *Feminism and the Female Body: Liberating Amazon from Within*, Lynne Rienner Publishers, Boulder, USA, 181 p.

Chuikina, S. (2002), ““Byt” Is Inseparable from the Morals: Official and Unofficial Norms of “Sexual” Morality in Soviet Society, 1930s-1980s”, in Temkina, A.A. & Zdravomyslova E.A. (eds.), *V poiskah seksual’nosti* [Looking for a Sexuality], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, pp. 99-128.

Golubev, A. (2016), *Elemental Materialism: Objectifying Power and Selfhood in the Late USSR, 1961–1991*, Ph.D Dissertation, University of British Columbia, Vancouver, Canada, 276 p.

Gromov, D.V. (2013), “Kachalka Is Not A Girls’ Space: Men Space’s Organization Using the Example of Lyubertsy’s Gyms, the 1980s”, in Pushkareva, N.L. (ed.), *Rossiyskaya povsednevnost’ v sfere gendernykh otnosheniy* [Russian Everyday Life Mirrored in a Sphere of Gender], NLO, Moscow, Russia, pp. 770-798.

Lebina, N.B. (2014), *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul’tura – SSSR – ottepel’* [A Man and a Woman: Body, Fashion, Culture. USSR – the Thaw], NLO, Moscow, Russia, 208 p.

Lowe, M. (1998), *Women of Steel. Female Body-Building and the Struggle for Self-Definition*, NY University Press, New York, USA, 206 p.

Pollock, E. (2010), “«Real Men Go to The Bania»: Postwar Soviet Masculinities and the Bathhouse”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2010, Vol. 11(1), pp. 47–76.

Styazhkina, E.V. (2013), “Male and Female Everyday’s Life in a Situation of Gender Contracts Changed in the Second Half of the Twentieth Century”, in Pushkareva, N.L. (ed.), *Rossiyskaya povsednevnost’ v sfere gendernykh otnocheniy* [Russian Everyday Life Mirrored in a Sphere of Gender], NLO, Moscow, Russia, pp. 650–701.

Zdravomyslova, E.A. & A.A. Temkina (2001), *Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse* [Masculinity’s Crisis in a Late Soviet Discourse], available at: http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_m.htm (accessed: 4.11.2019).

Zdravomyslova, E.A. & A.A. Temkina (2006), “The History and the Present: Gender Order in Russia”, in Barchunova, T.V., Zhidkova, E.M., Zdravomyslova, E.A. & Alekseeva N.I. (eds.), *Gender dlya chainikov* [Gender for Dummies], Zvenya, Moscow, Russia, pp. 56-84.